

ДЕРЖАВИН

Андрей
Тавров

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Андрей Тавров

Державин

НП «Центр современной литературы»

Тавров А.

Державин / А. Тавров — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-176-8

Новая книга Андрея Таврова, наследуя традиции державинского поэтического интереса к вечности, судьбе и времени, показывает, что более глубокие соприкосновения с этими главными темами жизни доступны больше поэзии, чем философии. Миниатюры, оды и верлибры книги вращаются вокруг темы предопределенности «реки времен» из последнего и незаконченного державинского стихотворения и, опираясь на интуицию и возможности поэзии, подбирают ключ к преодолению Рока, к пространству, в котором время исчезает.

ISBN 978-5-91627-176-8

© Тавров А.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

I	5
Буква Иероним	5
Бабочка	6
Вопрос Мелхиседеку	8
Впрочем человека без имени	9
Голгофа	10
Богомол	11
Дневной велосипедист	12
Полет	13
По имени Нэнси	14
Пастух	15
Гийом	16
«Когда рыбы смотрели в глаза...»	17
«Тело ее сливается с буквами...»	18
Марфа	19
«Комната с ангелом входит в комнату в которой ангела нет...»	20
Водонапорная башня	21
Красные губы	22
Мудрец. Из Лао-Цзы	23
Державин. Ода	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Тавров

Державин

I

Буква Иероним

Ставь, ставь этот звук льва, и между других звуков ставь его, между других Иеронимов, между буквой Иеронимом и вонючей пастью из буквы, поддерживающей челюсть и создающей часть мира и весь алфавит, а значит, весь мир.

Ощупай свои серебряные лопатки в поисках ускользающего от твоей хватки женского тела, найдешь ее там, в комнате без единой вещи, словно в аквариуме с улиткой на стеклянной стенке.

Так огонь ощупывает сам себя, забираясь пламенем за свой затылок, языками между своих ног.

А потом я думал буквами и вещами, я думал про тебя, про серебряные коленки, про то, чтобы делать это, и когда дует ветер, то он лучше делает это, чем это делали мы, вжимаясь друг в дружку, крича и мяуча.

И жирафы и камни делают это лучше, покачиваясь как сосны, выступая из земли как затылки.

Ставь букву в рождение в палате, где сестры и марля, и кровь, и букву в конце, где пение литании и рот земли, поющий свой слог твоим телом.

Сколько можно тянуть этот слог – дольше чем гаснет звезда или столько, сколько нужно дереву чтобы опала осенью ветка?

Пока звучит слог – ветвится твое тело, ветвится как буква, открытая в открытое поле рождений. Барсук сияет нимбом, и мальки расставляют Рахиль как серебряные ложки по всему берегу.

Кто соберет ветки и буквы рождений, звуки и буквы уходов людей и ракушек, смолы и лесов?

Вот! Не зоосад – а они! Слоги и буквы, вжившиеся в людей!

Райская синева, деревья в бескрайнем поле, их немного, а поле бездонно, как зрение затылочной кости сгоревшего заживо.

Но нет больше боли и запаха мяса. В поле бродят, живут и растут, то видимо, то в серебре, то в коже и пламени слова и буквы начала, слова и буквы конца – какой ослепительный зверинец, какой восторг, какие рыдания – ни одного безутешного!

Вот она речь, которую мы не ведаем, как ветер не слышит себя.

Единый всхлип здесь способен породить вселенную зверей, птиц и деревьев, чтобы ему войти в нее обитателем зренья и плоти.

Единый смешок – райские леса с птицей-словом.

Вот он новый Иероним, новый лев, новая азбука!

Бабочка

Марианне Ионовой

Почти что есть
минуя вещи
доносишь весть
помимо речи

вот волк вот сад
вот дрозд и вдох и буква
идут назад
в уста без уст без звука

туда где шум
иссяк дыханья
зайдя за край за ум
за иссяканье

вот выдох вдох
ты телом – тут ты – между
ни тварь ни бог –
уста надежда

на гроб на лоб на крест
прянь недотрога
сгущаясь в луч собравшись в свет
почти что в око

и содрогнется
мертвец вчерашний
вздохнет вернется
живой всегдашний

и пыль вставала
у дальней хаты
скулила бабка
и шли солдаты

зерно всходило
жена рожала
все было там же
где исчезало

лети же тварь –
до букв до рук до твари
зальет янтарь

твой глаз едва ли

глоток ничто
без пальцев арфа
вход в решето
в омеге альфа

Вопрос Мелхиседеку

Листья зачем падают – ответь мне Мелхиседек
пойми непревратно царь мое тело о трех словах
между первыми небо и слепой человек
меж зачем и падают воздух и пустота

Три города в воздухе из препинаний букв
вертятся как листва синью разделены
с утиными криками вместо домов и рук
с звездой вдоль белой чужой спины

листья тишь зачем тишина падают тишина
воздуха голова как рубашка реке близка
и Венера смотрит в хрустальный осколок сна
и три слова крутятся у старческого виска

и пока их не было царь Салима еще не возник
не сложился и мир и паук и Ницше в сети
великий народ на войне переходит в крик
и вовнутрь своих глаз как в белую печь летит

Впрочем человека без имени

От Жанны

в костер волки вошли
западают красными языками
в глазах луна разобрана как вода
по гостиннице Imperial
воздух ходит широкогрудый и кофе пахнет

ветер раскачивает ял и бороду мопассана
человека без имени как и ветра тоже человека
пустого пустого
пузырьки пузырьки из которых мир состоит
поднимают со дна
палочника при помощи отраженного неба
титаник сирень самолет

в позвоночнике волк и папоротник
простейшие в ресничках и пузырьках
над головой в пузырьковом теле
ангел и афродиты ракушка
раскачиваются черпают
в белых листьях белые щеки
белые города дышат красными ртами

жанну не отличить от костра
ни речью ни телом ни тишиной –
один огрубевший кварц
человек изначальный пузырящийся
себя не нашедший

Голгофа

Синий свет с неба и изнутри
Откуда в арке, куда ты въезжал ночью с подругой
сушившей ноги на раме велосипеда, взялась пустота
полна ли рана вами или пуста – любая
Между нами лежал дельфин в этой комнатке
на втором этаже барака
Между нами невидимо
лежала смерть и остывшее тело жглось в сухом льду
мне хочется перепутать эти слова
о Голгофе
И что-то такое
Дельфин с пустыми ранами
вместо глаз это как
ночью попасть на скорости в
пустоту арки ощущая бедром теплое бедро
и запах духов
и летящие в лоб невидимые колонны
и ты кричал не дыханием на втором этаже храма Гроба –
городом-торгашом смертью великой рыбы
с глазами каждого из нас, потом туристов
кузнечик сидит на моем загривке
серебряное лицо шелудивый крик
я тебе говорю тебя

Богомол

на голове головой к воздуху
какое веретено дыхания ты размотал
в белую прялку в
острова каллипсо
набухает мной объем моей крови
лицо ангела набухает мной
лампочка лопнула
внутри заштопанного чулка
рана прилетела к мальчику с перекрестка
нашла губу уронила с крыши
пальцами богомола
влечет к себе за волосы
как утопленника

Дневной велосипедист

В. Месяцу

Дневной велосипедист
как одна сторона монеты
барельеф на стекле

что с той стороны стекла?
доходит ли ветер взгляд
каков там изгиб пространства
есть ли там кто-то вообще?

не таков ли и тот
кто смотрит

За открытой спиной его и твоей
холодком искривленным колодца
не сомкнуты ль вы воедино?

иль другое – не есть ли
вы разные фазы одной луны –
в свете – яйцо гусеница – в ночи
куколка галатея?

Дневной велосипедист
любовница отходняк смерть деньги
слюдяные спицы вывернутые водой зрачки
букет васильков
в придачу

Полет

Стеклянный Блерио с гуляющими плоскостями!
Полет к белым богиням
к ангелам со стеклянными лицами
длинноногими с русским акцентом
к купальникам чайкам в мазуте

озеро что разрезает – безбрежно
нет у него берегов
а стекла тихи словно сад после удара яблока

Брюхо Левиафана это лицо Ахава
видящее на дне океана
ушко иголки

По имени Нэнси

жилы и белые ребра
прыжок сквозь них

не выходит ли солнце
на берегу гаража

и она идет почти как
девушка

гаража

почти склоняя волны

не восходит ли

это кошка по имени
нэнси
на берегу гаража

Пастух

Шевелящиеся
норы небесных кротов
взятые в силуэт героя
глаза его сини
как зажигалка
как камень пращи
зависший в невесомости лба

Гийом

грезила собой не потому ли
синее может сгуститься
о белый жирный тюлень стихотворец
с пугливым оком газели

«Когда рыбы смотрели в глаза...»

когда рыбы смотрели в глаза
из садка в магазине
прошел сквозь жабры вместе с водой
стал морем конем оторванной пуговицей
как медленно зреют вещи
достигнув уходят от пальцев

«Тело ее сливается с буквами...»

тело ее сливается с буквами
их частями
идущими ниоткуда
шевелиющимися
мазутной пленкой на зыби
оскал зубов безупречен
в рыбе позвоночника в походке
подъемная сила боинга

Марфа

тело вложено в тело
камнем в круги плечистые озера
воздухом в гремучую каменоломню

вот черная ласточка вот
блеск антрацита –
крыло в зеленом спирта огне

белое тело в розовом ветре ладоней
доступное исчезновенью

**«Комната с ангелом входит в
комнату в которой ангела нет...»**

Комната с ангелом входит в комнату в которой ангела нет
Пустая комната входит в комнату в которой ангела нет

Куб с воздухом входит в куб с воздухом
Куб с воздухом неотличим от куба с воздухом

Длинная дорога на которой не осталось ни коня ни дороги
Та же самая на которой остались конь и дорога

Водонапорная башня

себя она ловит тенью
описывая по холму ищущие ее эллипсы
кто ты говорит прохожему

всадник верхом по дороге –
за плечом смерть, за решеткой забрала птица

в ржавчине зимой охват тени растет с холма
достает до леса
зимой прохожий черный на белом
в ушанке
оба задают вопрос нащупывая

за плечом смерть в шлеме птица

цилиндр ржавого цвета
с рыскающей тенью сегодня и завтра
накрывая попеременно
зеленые травы желтые листья снег

сгустятся ли бессонные эллипсы
в сеть птицелова
с мелодией единственной птицы
сгустятся ли в башню башню

конь движется без остановки
в покое всадник смерть за плечом
ищет

кто кого ищет вокруг башни ржавого цвета
кто исчезает на склоне холма
или появляется на дерне
перекопанном кабанами
видит ли башня его когда его нет

исчезает ли в полдень
идет ли он по траве
или шел уже к башне в неустанных петлях
кто ты говорит башня

из забрала всадника вылетает птица

Красные губы

Осенью рука долгая как голубь
забывает откуда пришла и себя забыла
лодка по небу плывет кричит как гуси
в облака лицо свое окуная

от крика до крика не развести руки
с совой на плече без головы бродяга
смотрит через сову на листопад и поезд
голова с очами летит на север

с лиц серебро сходит ведь близко уже ангел
с серпом и трубою а в поезде едут
мужи и девы и молчат годами
вспоминают кого забыли на перроне

а забытая ходит по станции кривит красные губы
имя свое выговорить не может
а выговорит рухнут небесные звезды
ожившие шевелящиеся как огонь иль лодка

досель красных лебедей кличет станица
разгибают смертную букву как рука подкову
и черемуха выпуклым веслом загребает воздух
и качается в любовниках красное пламя

Мудрец. Из Лао-Цзы

идут опасливо, скользя
как будто бы по льду
и мудрецы и звери и сады
себя самих чтоб не спугнуть
как муху или птицу или смерть

собаку видит ангел сеткой сил
и удлинённостью движенья
простого чистого
и в сетке словно спит младенец

ей заскулить – что розу приоткрыть
иль птице
ответить тишине
всей сутью начиная с теплого яйца
до этой гавани из тиши под крылом

а мудреца он видит
как возможность
быть речкой льдом цветком конем собакой
самим собой – всем сразу как порыв
единый ветра стадо свеч колеблет

ангел это сдвиг
а не субстанция не в крыльях зверь
не бык небесный – сдвиг
от формы к сути
но не суть иль форма

от сути к форме
только в этом сдвиге
есть все что есть
и рыба видит рыбу словно бога
еще туманного
с хвостом и плавниками

все живо тем что полуголый мастер
стоит как разошедшееся небо

Державин. Ода

Небо являет образы.
«И-цзин»

Между вещью и глазом
воздушны леса не вещей
раскачивает их всевидящий ветер
будто полуузнав тебя будто припомнив
трогает профиль не выдохнутый еще до лица –
смотрит в угольную каменоломню неба
выверяет в сжатых лучах
соответствия точно плотник прищуривается на фуганок

текучий объем вдоль лица льва и царя-сирийца!
вдоль дрейфующего в птичьем узкогрудом небе
– дирижабля
прикидывая живучесть глаз протяженность вдоха
сверяет ветер-державин
сырую оптику незакрепленного глаза
с безкорневым подъязычным словом –
осилят ли сами себя, выявят ли, оглохнут?

Запускает медвежьи когти кривых лучей
в изначальное небо в звездную шкуры изнанку
в лучевые нити живого еще зверя
сошедшиеся в кулаке в кулак
что держит внутри череп внатяжку как коршун – небо

под стук сухой осыпается мел
лира и труба не согласуются

Возня времен! воздушные сады
аэропланов лилиенталей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.